

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-39-50>

Оригинальная научная статья

Север как мифологическое пространство в лирике Н. Гумилева

А. И. Ощепкова, М. Н. Афанасьева

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ oshchepkova.anna@mail.ru

Аннотация

Научная новизна и актуальность статьи обусловлены пониманием проблемы мифологического пространства севера в лирике Н. Гумилева как достаточно неоднозначной, не вмещающейся в рамки только акмеистской эстетики и поэтики, и вместе с тем принципиально важной для определения эволюции творчества поэта. Динамика творчества поэта определялась эволюцией представлений автора от символизма до акмеизма. В статье уточнено представление о мифопоэтике Гумилева: для ранней лирики поэта 1905–1907 гг. характерно рассмотрение северной тематики в контексте архаической героики: север как место героических испытаний. Поэтический образ севера в поздней гумилевской поэзии 1917–1918 гг. перерастает фольклорную интерпретацию, в нем прочитывается глубинная мифологическая семантика матери-земли как сакрального источника российского самосознания. Художественным результатом обращения Гумилева к северной тематике становится создание стихотворений, восходящих к глубинной мифологической семантике. В статье преимущественно использован имманентный анализ художественного текста.

Ключевые слова: Н. Гумилев, север, мифологическое пространство, лирика, архаическая героика, лирический герой, образ, мифопоэтика, фольклоризм, историософизм

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: А. И. Ощепкова, М. Н. Афанасьева. Север как мифологическое пространство в лирике Н. Гумилева. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2025, № 1 (17). С. 39–50. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-39-50>

Original article

The North as a mythological space in the lyrics by Nikolai Gumilyov

Anna I. Oshchepkova, Maria N. Afanasyeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ oshchepkova.anna@mail.ru

Abstract

The scientific novelty and relevance of the article are determined by understanding the problem of the north as a mythological space in the lyrics by Nikolai Gumilyov as quite ambiguous, not fitting into the framework of solely acmeist aesthetics and poetics, and at the same time fundamentally important for determining the evolution of the poet's work. The dynamics of the poet's work was determined by the evolution of the author's ideas from symbolism to acmeism. The article clarifies the idea of Gumilyov's mythopoetics: for the poet's

early lyrics of 1905-1907, it is characteristic to consider the northern theme in the context of archaic heroism: the north as a place of heroic trials. The poetic image of the north in Gumilyov's late poetry of 1917-1918 outgrows the folklore interpretation, it translates the deep mythological semantics of mother earth as a sacred source of Russian self-consciousness. The artistic result of Gumilyov's appeal to the northern theme is the creation of poems that go back to deep mythological semantics. The article mainly uses an immanent analysis of the artistic text.

Keywords: Nikolai Gumilyov, north, mythological space, lyrics, archaic heroics, lyrical hero, image, mythopoetics, folklorism, historiosophism

Funding. The study had no financial support.

For citation: A. I. Oshchepkova, M. N. Afanasyeva. The North as a mythological space in the lyrics by Nikolai Gumilyov. *Issues of national literature*. 2025, No. 1 (17). Pp. 39–50. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-39-50>

Введение

Внимание исследователей направлено на проявления ориентализма в лирике и драматургии Н. С. Гумилева. Между тем в современном литературоведении возрастает продуктивная традиция рассматривать поэтическое творчество Н. С. Гумилева в контексте северной тематики. Существует ряд работ, в которых особое внимание уделяется скандинавским темам в творчестве поэта, в них отмечается, что Скандинавия является излюбленной темой в художественном мире поэзии Николая Гумилева. Такое внимание к Скандинавии исследователи объясняют тем, что связь Скандинавии и Руси была тесна, так как первые правители Руси, Рюриковичи, были выходцами из Скандинавии. Л. М. Дедова замечает, что скандинавские мотивы тесно связаны с «русской идеей» [1]. А. А. Чевтаев считает, что такое возвращение к своим истокам является ценностным постижением исторического пути России [2]. В исследовании А. Снегирева отмечается, что именно скандинавские тексты оказали значительное влияние на формирование и развитие акмеистской концепции времени и традиции [3]. В поэзии Н. Гумилева северное пространство приобретает символическую значимость, становясь образом природы, обладающим поразительной силой и мощью, не поддающейся обычным правилам и законам. Эта символика не только украшает его стихи, но и придает им глубокий смысл, призывая читателей воспринимать мир шире и ощущать его загадочность и красоту во всей полноте. В стихах поэта снежные вершины и ледяные просторы обретают свой собственный голос, который призывает к тишине и созерцанию, к величию и стремлению к идеалу. Гумилев олицетворяет север как область испытаний и самосовершенствования, где герои становятся настоящими испытуемыми, которые через трудности и препятствия находят свою собственную суть и истинное призвание. Этот символический образ позволяет поэту утверждать важные жизненные ценности, такие как сила воли, мужество, самоотверженность и высокие моральные принципы. В статьях И. Снегирева «Северный текст и северный миф в поэзии Николая Гумилева» и А. А. Чевтаева «Сакрализация северного пространства в поэзии Н. Гумилева: от мифопоэтики к историософии» север рассматривается как мифопоэтическое пространство в лирике поэта, которое трансформируется в течение изменения творческих взглядов поэта. Принципиально важными представляются наблюдения А. А. Чевтаева о том, что «одним из магистральных параметров создаваемой в

творчестве поэта авторской мифологии является репрезентация пространственно-географических координат, формирующих своеобразную «сакральную географию» и порождающих геософские смыслы художественной рефлексии лирического субъекта» [2, с. 143]. По мнению исследователя, «особый мифопоэтический статус получает пространство севера, с одной стороны, актуализирующее архаический опыт самоопределения человека, а с другой – концептуализирующее путь лирического «я» к примирению бытийных антиномий посредством пространственного восстановления связи времен» [2, с. 143]. По всей видимости, северное пространство в поэзии Николая Гумилева является одним из магистральных параметров не только создания авторской мифологии, но и динамики творческой эволюции в целом. В ранней лирике север предстает в топике героически-символистского, а в поздней же – воссозданием акмеистского концепта Севера как «пространственного восстановления связи времен». В этой связи представляется актуальным рассмотреть трансформацию северного пространства в поэзии Николая Гумилева. Вышеназванная цель реализуется в решении следующих задач: выявить особенности архаической героики «северных» стихотворений ранней лирики; определить характеристику северной сущности «скандинавских» циклов 1917 г.

Архаическая героика «северных» стихотворений Н. Гумилева 1905–1907 гг.

Именно в своих ранних сборниках Николай Гумилев воплощает образ мужественного и стойкого героя, уже тогда становятся заметны стремления воплотить образ запинающегося лирического героя, такими представляются нам конквистадоры, могучие герои, короли, викинги и так далее. Характерный, своеобразный мир Н. Гумилева уже властно заявляет о себе. Его поэтическое пространство формируется вокруг сильной, волевой личности, не знающей страха и не приемлющей поражений: таковы столкнувшиеся в смертельной схватке могучие воины Кухулин и Сваран из стихотворения «Оссиан». Гумилеву также присуще понятие двоемирия, которое создает как противопоставление героя и героини, так и контраст, например, севера и юга в стихотворении «Варвары». Уже в ранней лирике заметен излюбленный поэтический рассказ Н. Гумилева – сонет (я конквистадор в панцире железном) и баллада. Сильно оказанное влияние символизма в начале творчества Гумилева не прошло без следа, север предстал пространством героических подвигов.

В стихотворении «Оссиан» (1905) Гумилев рисует образ героической Ирландии, страны «суровых и гневных героев», мужества и благородства. Оссиан, последний из рода ирландского короля Фингала – это воин и поэт, на чью долю выпало пережить славное время героев и великих подвигов и напомнить об этом времени миру. Это стихотворение являлось своеобразным откликом на перевод «Поэм Оссиана» Джеймса Макферсона, выполненный Е. В. Балобановой в 1890 г. Шотландский поэт и собиратель фольклора Джеймс Макферсон реконструировал древний ирландский и шотландский эпос «Поэмы Оссиана», который принес писателю большую славу, произведение сильно впечатлило читателей. Благодаря переводу «Поэм Оссиана» на русский язык, ирландские и шотландские (кельтские) мотивы стали особенно значимыми для русской поэзии «серебряного века». Само название «Оссиан» акцентирует свое внимание на идею стихотворения, переводя наше внимание на ирландское, кельтское начало. Оссиан являлся легендарным кельтским бардом, то есть певцом-поэтом. Стоит предположить, что Н. Гумилев построил свое стихотворение в форме сказания, что этот бард решил сам нам поведать миф о героях Ирландии. В стихотворении «Оссиан» противопоставлены повседневные мысли и дела воспоминаниям о героической эпохе короля Фингала: «Когда я устану от ласковых слов и объятий, /

Когда я устану от мыслей и дел повседневных, / Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий, / Я вижу на холме героев суровых и гневных» [4, с. 40].

В стихотворении мы встречаем мифических героев из древней ирландской мифологии, каждый из которых несет в себе уникальные черты и символизирует различные аспекты человеческой природы. Кухулин, полубог и герой, олицетворяет силу, стойкость и отвагу, принимая на себя испытания судьбы с достоинством и решимостью. Сваран, король, символизирует власть, мудрость и интриги, характерные для царственных особ. Фингал, воин и мудрец, сочетает в себе боевую мощь и глубину мысли, представляя идеал сильного и мудрого лидера. Сивиллы, прорицательницы, добавляют в стихотворение элемент загадочности и предвидения, раскрывая таинственный мир предсказаний и пророчеств. Их предчувствия и предсказания создают туманный фон, на котором разворачиваются действия персонажей, подчеркивая неизбежность судьбы и непредсказуемость будущего. Реакция сивилл на смерть Кухулина, убитого Свараном, показывает, что они, как и персонажи, подчиняются законам судьбы и предопределения. Это напоминает нам о беспощадной силе времени и о том, что даже сильнее и мудрейшие герои не могут уйти от своей судьбы: «По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи, / Меж них багровела луна, как смертельная рана. / Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий / Упал под мечом короля океана, Сварана» [4, с. 40].

Если сравнивать историю Макферсона и Гумилева, то можно найти сходства и различия. К сходствам можно отнести то, что оба писателя относят Кухулина к воинам зеленого Эрина (Эрин – древнее кельтское название Ирландии), Фингала – к владыке (Гумилев) и королю (Макферсон) пустыни. А различие лежит в смерти Кухулина: в произведении Макферсона, в отличие от Гумилева, он остался жив, но повержен. Развернутое описание северного пейзажа подчеркивает как ход событий, так и важность бытия: «По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи, / Меж них багровела луна, как смертельная рана/Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья / Вспененное море вставало и вновь опадало / И слушают вести от ветров протяжногoлoсoсyх / О битве великой в великом испуге равнины» [4, с. 40]. Здесь суровость и строгость северного края проникают в душу лирического героя, превращаясь в важную часть его внутреннего мира и самоидентификации. Чувствуя себя одним из участников этой местности, хранящей память о битвах, герой ощущает ментальное участие в героических подвигах своих предков и современников: «Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий, / Я вижу на холме героев суровых и гневных» [4, с. 40]. Для него север становится местом, где можно испытать свою собственную силу и преодолеть жестокость окружающего мира. Именно здесь герой находит возможность проявить свою волю и утвердить свою собственную ценность в рамках бытия. Этот суровый, но героический край становится для него идеальным пространством для самопознания и саморазвития, где он может проявить свою волевую сущность и доказать себе и миру героизм и самоотверженность. В стихотворении от темы, посвященной героической битве лирический герой переходит к размышлениям о мирном быте. Контраст между мирным бытом и эпическим образом битвы и героизма в произведении подчеркивает различие между обыденностью и величием, между реальностью и мифом, создавая сложный и увлекательный художественный образ. Гумилев с помощью тропов усиливает бескомпромиссность северного духа и пейзажа: эпитетов «свинцовые, тяжкие тучи», «могучие воины», «седой заклинанья», «битве великой», «великом испуге»; метафор «багровела луна, как смертельная рана». Особое внимание поэт уделяет ритмической инструментровке произведения: Гумилев написал «Оссиан» пятистопным амфибрахием, что придает величавое звучание стихотворению.

Торжественность ритма подкрепляется аллитерацией [л] («Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья») и [н] («И встретил Сваран иступленный, в грозе ликованья»), акцентируя на эмоциональном состоянии героя. Гумилев север не только показывает, но и заставляет чувствовать, слышать.

В стихотворении «Песня о певце и короле» (1905) повествование ведется от лица короля и певца. Король выступает лирическим героем, который живет в одиночестве на горе: «Мой замок стоит на утесе крутом / В далеких, туманных горах, / В том замке высоком никто не живет / Лишь я его гордый король» [4, с. 41]. К гордому королю приходит «бездомный, бродячий певец», песня которого заставила короля заплакать: «За то, что он плакать заставил меня, / Властителя гордых могил» [4, с. 41]. В «Песне...» нет ярких героических сражений, как в «Оссиане», прослеживается лишь миф о валькирии из скандинавской мифологии, которая мертвым сном лежала на холме, отсутствие ярко выраженных героических подвигов усложняет поиск архаической героики, но если обратиться к образу певца, то можно понять, что у певца смелый характер, это прослеживается и в дерзкой песне певца, что подтверждают слова короля: «Для всех, кто отвагой и силой богат, / Отворены двери дворца» [4, с. 41]. Удивительно, что Гумилев основной текст написал амфибрахией, а слова певца – ямбом с обильным пирихированием. Такой прием можно трактовать следующим образом: с помощью амфибрахия – величественного стихотворного размера – Гумилев хотел выделить статус короля: «Однажды сидел я порфире златой, / Горел мой алмазный венец» [4, с. 41]. Поэт подчеркивает одиночество и гордость короля, а ямб, знаменитый своей имитацией разговорной речи, помогает охарактеризовать певца как простого и храброго человека. Таким образом, благодаря метрическому разнообразию, в тексте присутствует ритмическая характеристика героев: такой прием помогает читателю на эфоническом уровне создать своеобразную антитезу персонажей. Певец вносит элемент разрушения власти и гордости с помощью своей песни, «дерзкая речь» выражает неприятие ценностей короля, который он выстроил в своем замке за год. Король не может избавиться от своей гордости и жестокости, поэтому он убивает соперника, потому что певец был прав. Этим действием он символизирует потерю человечности и гуманности, король не хочет выходить из своего мира, поэтому остается оплакивать свою жизнь с гордостью в «одиноким дворце» с «дикой песней» певца.

Север в ранней лирике Гумилева являет собой суровое место и вместе с тем священное пространство: именно суровые климатические условия порождают в лирических героях в стихотворениях этого времени идеальное «Я». Образ воина-странника, характерный для поэзии Николая Гумилева, отражает самоопределение лирического героя в стихотворении «Зачарованный викинг, я шел по земле...» (1907). Лирический герой – викинг, древний скандинавский воин, волевая личность, человек, который покинул родные края. Для Гумилева была характерна ипостась блуждающего героя, коим и являлся викинг. Он предстает «северной» версией конквистадора, который способен был приблизиться к онтологическому порогу миропорядка: «Изумрудным покрыло земные пути, / Зажигало лиловым морскую волну... / Я не смел подойти и не мог отойти / И не в силах был словом порвать тишину» [4, с. 113]. Стихотворение описывает путешествие викинга, его встречи и внутренние переживания: «Я скрывался во мгле на моем корабле, / Ничего не просил, ничего не желал» [4, с. 113]. Зачарованный викинг характеризует себя яркими эпитетами: «надменный павлин», «свирепый орел», что может говорить о нем как о человеке, имеющем гордыню, высокомерие, силу и мощь, как свойственно героям и викингам. Бытие героя отражает его открытость к реальности земного мира и стремление к идеальному миру за пределами видимого,

так викинг в «пучине тревог» реальности встречает остров ундин, где находит этот идеальный мир. Изумрудное покрытие земных путей и лиловое море символизируют красоту и загадочность мира, которые герой стихотворения не может оставить незамеченными. Он не может подойти к этой красоте: «Я не смел подойти и не мог отойти, / И не в силах был словом порвать тишину» [4, с. 113]. «Зачарованный викинг» является восторженным созерцателем, отважным и влюбленным в мир путешественником. В стихах скандинавской лирики Гумилева мы видим портрет героя, который, на первый взгляд, кажется суровым и одиноким, но под этой маской скрываются тайная страсть и бурный, хотя и сдержанный, темперамент. Строка: «Я в душе согласил жизнь потока и скал» [4, с. 113] открывает перед нами глубокие внутренние противоречия и борьбу героя с самим собой. В душе этого героя бурлят страсти и эмоции, которые сдерживаются им снаружи, создавая видимое спокойствие. В ярком солнечном свете он может казаться надменным павлином, но в час ненастья он превращается внезапно в свирепого орла, что символизирует его способность к перемене настроения и силу его внутреннего мира. Этот герой не просто одномерный персонаж, и в его душе происходит настоящая борьба между различными частями его личности. Он показывает, что даже за маской суровости и одиночества могут скрываться живые, пылкие страсти, которые делают его неотразимым и загадочным. Его душевные противоречия и внутренние бурные переживания делают его героем с живым, пульсирующим сердцем, который стремится к гармонии и покою через сложные внутренние сражения.

Итак, в ранней поэзии Н. Гумилева север является не только историко-географическим пространством, но и героическим локусом, который объединяет черты различных архаических северных культур, таких как древняя Ирландия и Скандинавия, в их естественных и антропологических измерениях. Важно отметить, что северный край в поэзии Гумилева воспринимается как центр жизни, который формирует ценностное бытие человека-воителя и напоминает ему о подлинных ценностях. Этот образ севера становится символом мудрости, силы и героизма, а также напоминает о принципах морали и этики, которые лежат в основе жизни. Таким образом, с помощью образов северных локусов в своей поэзии Гумилев подчеркивает важность передачи наследия предков, их духовных ценностей и героических качеств для формирования личной и общечеловеческой идентичности. Все это делает его тексты более глубокими и человечными, заставляя читателя задуматься о своих собственных ценностях и смысле жизни. Архаическая героика в «северных» стихотворениях придает тексту героический характер. Через образы Кухулина, Фингала, Певца, Викинга и их сражений и путешествий Н. Гумилев стремился выразить величие человеческого духа.

Мифологизм «скандинавского» цикла (1917–1918 гг.)

В поэзии Н. Гумилева особое место занимает «скандинавский» цикл. Большинство северных стихотворений Гумилева написано в 1917 г., в него входят стихотворения сборника «Костер» (1918): «Швеция», «Норвежские горы», «На Северном море», «Стокгольм». Л. М. Дедова писала, что этот цикл концептуализирует идеологему исторического родства северных стран и России [1]. В этой части предпринимается попытка рассмотреть позднюю лирику Н. Гумилева, в частности цикл скандинавских стихотворений. Именно в этот период, по мнению А. А. Чевтаева, от мифопоэтики Гумилев уходит к историософизму [2]. Между тем, по всей видимости, речь идет о том, что поэт не «уходит» от мифопоэтики, а преодолевая фольклоризм стихотворений 1905–1907 годов, приходит к глубинной мифологической семантике. В этой связи представляется необходимым

определить, каким предстает мифологизм северного пространства в «скандинавском» цикле поэта.

«Скандинавский» цикл стихотворений 1917 г. открывает произведение «Швеция» (1917), в котором северный пейзаж страны, знаменитый своими скандинавскими горами, предстает во всем великолепии: «Страна живительной прохлады / Лесов и гор гудящих, где / Всклощенные водопады / Ревут, как будто быть беде» [5, с. 123]. Эпитет «живительной прохлады» описывает не только суровый климат, который так свойственен северным странам, а подчеркивает именно благотворную силу воздуха, дающую энергию жизни. «Гудящие» леса и горы создают живописные, «говорящие» образы исполинов, с помощью которых Гумилев создает мифологическую картину северного пространства. Стоит отметить, что поэт не только передает визуальную картинку, но и передает суровость и грозный говор гор через звукопись: аллитерационное созвучие [в], [д] и [б] производит звуки биения воды с землей: «Всклощенные водопады / Ревут, как будто быть беде» [5, с. 123]. Из-за сильного ветра леса и горы, а также водопад становятся «суровыми»: так одни «гудят», а другие метафорично «режут, будто быть беде». Метафорические эпитеты «всклощенные водопады», «свежий ветер», «живительная прохлада» передают мощную энергетику скандинавских гор и лесов.

В стихотворении «Норвежские горы» (1917) Н. Гумилев наделяет суровую красоту северного пейзажа еще большей глубиной и сакральностью, чем в «Швеции». Он обращается к северу как к месту, где земля обнажена до камня, подчеркивая его дикую и непокоренную природу. Отношение к Норвегии как самой северной стране в Европе дает особую значимость и таинственность описанию северного пейзажа. Гумилев, вероятно, видит в этой стране символ суровости и непреклонности, который находит отражение в его лирическом произведении: «А вечный снег и синяя, как чаша / Сапфирная, сокровищница льда! / Страшна земля, такая же, как наша, / Но не рождающая никогда» [5, с. 125]. «Вечный снег» метафорично указывает на мотив вечности: зима теряет свой годовой цикл, становясь мифологическим образом «сокровищницы» вечных испытаний к поискам человеческого счастья. Для лирического героя этого цикла характерно испытание севером: только в мире «вечного снега», по мнению Гумилева, выкристаллизовывается высокая сила духа. Поэт в этом стихотворении создает норвежский пейзаж с помощью эпитетов: «холодное озеро», «бешеные олени», «синяя сокровищница льда». Поэт метафорично описывает и водопад: «с чьих щек, изрытых бурями, струится водопад» [5, с. 125]. Стихотворение богато антитезами, светлое противопоставляется темному, так лирический герой одновременно восхищается норвежскими горами и его пейзажем, но также ощущает себя чуждым этому миру. Обилие антитезы также можно объяснить тем, что «скандинавское творчество Гумилева – это спор между язычеством и христианством»: так «кошунство» противопоставляется «псалму», «молитва» – «колдовству». Также в тексте интересна антитеза: «Чьи кудри – снег, чьи очи – дыры в ад». Противопоставление снега и ада можно интерпретировать как сакральную сущность северной природы как мифологического пространства, в котором еще нераздельно уживаются божественные и демонические начала. В стихотворении Гумилева «Норвежские горы» ощущается присутствие не только суровой природы, но и человеческих образов, которые придают целому произведению глубину и живость. Герои пьесы Г. Ибсена, такие как Пер Гюнт и Бранд, становятся символами норвежской души и северной идентичности. Пер Гюнт и Бранд, как противоположные персонажи, отражают различные стороны человеческой природы и конфликты, которые могут возникать внутри каждого из нас. Характеры этих героев освещают сложные внутренние противоречия, житейские испытания и поиски истины, что делает

их живыми и уникальными. Эти герои становятся своего рода аллегориями северного человеческого опыта, который поистине захватывает своей мудростью и сложностью. Их противостояние и противопоставление отражают вечные темы человеческой жизни и нравственности, что делает их близкими и понятными для читателя: «Как сатана на огненном коне, / Пер Гюнт летал на бешеном олене / <...> / Не здесь ли Бранд, суровый проповедник, / Сдвигал лавины именем Творца?» [5, с. 125]. Аллегорические образы этих героев создают сложность и многогранность человеческого мира: Пер Гюнт представляет собой человека «мечтателя», которому присущи приключения, свобода; образ Бранда – полная противоположность ему, ибсеновский герой проповедник, человек веры и разума.

В стихотворении «На Северном море» (1917) лирический герой устанавливает связь между собой и народом норманнов, который оставил выдающийся след в истории и воспарил как могучая сила в давние времена. Эта аналогия позволяет ему обнаружить свою духовную близость к викингам-норманнам и почувствовать глубокое единство с их великими поступками и историческим наследием. Герой выражает не только свою идентификацию с могучими предками, но также передает важность и влияние этого связующего звена на формирование и структуру сознания славянского народа. Он видит корни русской коллективной души в северных традициях и богатстве норманнской культуры, понимая, что эти важные аспекты истории принесли несомненное значение и питают его собственное внутреннее мироощущение: «О, да, мы из расы / Завоевателей древних, / Вznосивших над Северным морем / Широкий крашеный парус» [5, с. 128]. В исследованиях отмечается, что образ викинга в литературе и поэзии традиционно ассоциируется с качествами силы, мужественности и суровости, характерными для древних воинских элит. В этом литературном произведении особое внимание уделяется дерзости персонажей, их речь завораживает читателей, как у певца из «Песни о певце и короле». Необычность и яркость образа викингов притягивают к себе внимание, подчеркивая их особое место в мире литературы и нарративов: «Мы бродим и трубим в трубы, / Мы бродим и бьем в барабаны» [5, с. 129].

Образ викинга претерпевает необычную трансформацию, в результате которой он лишается своей героической силы и величия. В ранее упомянутом стихотворении «Зачарованный викинг, я шел по земле...» (1907) прослеживается процесс дегероизации этого символического персонажа. Вместо того чтобы быть волшебным искателем приключений и новых миров, этот викинг становится обреченным скитальцем, чьим единственным путем является гибель. Изначально очарованный прекрасными мечтами и страстным стремлением к неизведанному, он превращается в вечного скитальца, лишённого радости и смысла в своем бесконечном странствии. Как противоположность этому утратившему свою суть образу, викинги Северного моря появляются как воины, приносящие в мир лишь разрушение и страх. Они становятся архетипами разрушения, символизируя силу зла и хаоса, и закрепляют в памяти человечества образ варваров, нарушающих покой и порядок. Эта трансформация образа викинга от его идеализированного состояния к печальному уродству привлекает внимание к теме разочарования, утраты и неизбежности негативных изменений в человеческой судьбе. Путешествие этого персонажа по земле превращается из чистого поиска и открытия в бесконечное блуждание во мраке утраты смысла и надежды: «Варяги становятся разрушителями: / И красная кровь не нужна ли / Республике иль королю?» [5, с. 129]. Они больше не говорят, что они завоеватели, возносившиеся над Северным морем, они вечные скитальцы, которые подвергают себя опасности. Гумилев очень правильно употребляет эпитет «буйная кровь», которая

характеризует варягов сильными, не сидящими на одном месте людьми, а железо, сталь и свинец подчеркивает их мощь.

В своем стихотворении «Швеция» (1917) Н. Гумилев воссоздает величавый образ знаменитого пути «из Варягов в Греки». Его слова воспевают древнюю торговую дорогу, начинавшуюся со скандинавских земель и пролежавшую через земли древнерусского государства, ведя к далекой, загадочной Византии на юге. Путешествие по этому маршруту символизирует не только торговые связи и экономическое взаимодействие, но и переход от северной державы к великой империи на юге. Проходя через разные области и земли, вдоль этого пути простирается богатая история, связующая различные культуры и цивилизации: «Страна, ты помнишь ли, скажи, / Тот день, как из Варягов в Греки / Пошли суровые мужи?» [5, с. 123]. Лирический герой этой строфой подчеркивает важность исторического события, он восхищается силой духа, смелостью и мужеством «суровых мужей», которые решились на такой большой и опасный путь. Гумилев «поэтически утверждает норманнскую теорию происхождения древнерусского государства» [6], через лирического героя поэт восторгается предками – викингами, он в какой-то степени гордится тем, что является потомком таких людей. И продолжая тему сильных духом людей лирический герой обращается к образу великого князя Руси – Олегу Вещему, который по легенде прибил свой щит к воротам Царьграда в знак того, что он смог с такой большой империей как Византия подписать мирный договор, символом чего являлся щит. Поэт с помощью образа Олега, который имел варяжские корни, выстраивает характер северных людей: обладающий силой духа, смелостью совершать столь опасные путешествия. Северные корни являются источником формирования русского культурного самосознания на уровне бытия: «Ответь, ужели так и надо, / Чтоб был, свидетель злых обид, / У золотых ворот Царьграда/Забыт Олегов медный щит?» [5, с. 123].

Исследователь Ю. В. Зобнин писал, что «Швеция была страной, породившей русскую государственность» [6, с. 10]. Страна Северной Европы сыграла большую роль в нашей истории. Существует даже теория происхождения названия «Русь», когда-то финны называли шведов *ruotsi*. А слово «Русь» образовалось от скандинавского глагола «гresti» в финском варианте *ruotsi*, так называли себя дружины викингов, проходивших на гребных судах по рекам. В стихотворении Н. Гумилев прослеживает глубокую и символичную связь между этой скандинавской страной и Россией. Для поэта Швеция – это не просто географическое место, а своего рода «прародина», исходный источник, из которого зародилось Государство Российское. Именно поэтому в его стихотворении Швеция изображается как сестра России – близкая, родственная душа, с которой Россия связана общими корнями и историей. Гумилев прославляет, по мнению Ю. В. Зобнина, образ Рюрика как символа начала организации славян и создания государства на Руси. По летописной легенде, Рюрик пришел из далекой Скандинавии и встал во главе нового образования, став первым правителем Руси. Для Гумилева Рюрик представляет не просто историческую личность, а своеобразного вдохновителя процесса формирования централизованной власти и государственности у славян. Образ Рюрика символизирует начало новой эры, когда на Руси начали зарождаться основы государственного устройства, а славянские племена стали объединяться под общей властью. Этот образ для поэта является символом мудрости, лидерства и стремления к укреплению и единству славянского общества. В его представлении Рюрик становится фигурой, вдохновляющей и возглавляющей процесс становления государственности на Руси, аналогично тому, как в древних мифах героические лидеры приводили свои народы к единению и цивилизационному развитию. В творчестве поэта, как писал Ю. В. Зобнин,

Рюрик символизировал «начало» цивилизации» [6, с. 43]. И обращаясь к образу первого правителя лирический герой хотел донести, что надо ценить культурное наследие своих предков, ведь если не ценить это, то получится, что Рюрик вступил на земли Руси, чтобы привести в норму древнерусское государство напрасно. Именно он положил начало развитию такой огромной страны. Чтобы выделить аутентичность, поэт использует исторические термины «из Варягов в Греки», «Олегов медный щит», историзм «Царьград», архаизмы «вотще», «ужели», чтобы показать, насколько важны исторические корни.

Таким образом, мифологическая сущность северного пространства в «скандинавском» цикле стихотворений Н. Гумилева проявляется через описание холодной природы шведских, норвежских гор и лесов, а также через противоречивый характер суровых скандинавских викингов, «пейзаж души» которых наполняется не только сдержанностью и жесткостью, но и внутренней энергией, силой воли и тайными переживаниями. В суровости северной природы (в стремительности водопадов, величии гор и шумящем ветре, в воинственном нраве викингов) Гумилев увидел мифологическое пространство, которое объясняет историю становления северного характера.

Заключение

В творчестве Н. Гумилева тема севера как мифологического пространства эволюционирует от архаического героизма к историософизму. Пространству севера поэт уделил особое внимание в ранней и поздней лирике. В таких произведениях, как «Оссиан» (1905), «Песня о певце и короле» (1905), «Зачарованный викинг, я шел по земле...» (1907) воссоздаются архаические образы героев-воинов певца, викингов Кухулина и Финга, отличающихся отвагой, смелостью и мужеством, героям Гумилева как всем архаичным богатырям присущи гневливость, ритуальность действий и поступков, но вместе с тем поэт затрагивает внутреннюю борьбу и трагические стороны существования, раскрывая вечные человеческие ценности и качества. Для Гумилева архаическая героика северных земель означала не просто предмет для его стихов, но и что-то большее – вдохновение, символ вечной жажды человека к самым высоким идеалам. В его стихотворениях прослеживается не только восхищение перед древними героическими деяниями, но и понимание их вечной ценности и актуальности для нашего времени. Эти образы стали не просто элементом творчества, а источником мудрости и вдохновения для самого поэта и его читателей, наполняя сердца смыслом и возвышенностью. В своем «скандинавском» цикле 1917 г. Гумилев затрагивает глубины северного характера, раскрывая его суровую суть и ярко выделяя героев и окружающую их дику природу. Его герои предстают перед нами как сильные, непоколебимые личности, подобные викингам и царям, но в то же время их внутренний мир сливается с красотой и суровостью суровых северных просторов. Пейзажи севера описываются как священные места с жестоким холодным климатом, где каждый день становится настоящим испытанием и подвигом. Через слова Гумилева мы не только видим визуальные образы севера, но и чувствуем его дух и слышим звуки этого древнего, загадочного мира, который так глубоко пронизан сакральной энергией и духовной тайной. Именно в скандинавской мифологии, природе и ландшафту Гумилев видит значительную роль в создании уникальной атмосферы, которая порождает самобытную историю человечества. Скандинавская культура, сочетая в себе элементы викингов, саг и мистики, оказывает уникальное влияние, по мнению поэта, на сущность русского характера. Для Гумилева исследование своих корней и возвращение к ним являются своего рода духовным путешествием, которое

помогает ему обогатить свое творчество. В описанной концепции интерес к Скандинавии становится не только поиском происхождения, но и погружением в тайны самопознания и национальной истории. Северное пространство в творчестве Н. Гумилева представлено как специальное место, обладающее значительной духовной силой и возможностью эволюции значений. В ранних стихах Н. Гумилева просматривается поэтическое зарождение великолепного видения севера как священной идеальной земли, где рождается величие героизма и расцветает стремление к духовной свободе для человеческой души. С течением времени в его последних произведениях совершается утонченный художественный поворот, придающий северу новые исторические смыслы. В его мифологическом восприятии особенно ценно изучение того, как скандинавская культура оказала влияние на русскую историю. Это требует глубокого понимания уникальных черт исторического пути России, а также преодоления временных разногласий в жизни народа. Образ священного севера становится ключом к постижению того, как человечество движется в контексте исторического развития и вселенской гармонии, открывая новые горизонты понимания нашего места в мире и связей между культурами. Такое исследование позволяет нам обогатить понимание северного пространства в творчестве Николая Гумилева, отводя ему особое место в поэзии исследователя.

Л и т е р а т у р а

1. Дедова Л.М. Скандинавия в лирике Н. С. Гумилева. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»; 2011;5:131-133.
2. Чевтаев А.А. Сакрализация северного пространства в поэзии Н. Гумилева: от мифопоэтики к историософии. Восток–Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга. Волгоград: Перемена; 2019:142-149.
3. Снегирев И.А. Северный текст и северный миф в поэзии Н.Гумилева. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2008; 13:17–27.
4. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т.1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва: Воскресенье; 1998:502.
5. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). Москва: Воскресенье; 1999:465.
6. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева). Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Санкт-Петербург: РХГИ; 2000:8-52.

R e f e r e n c e s

1. Dedova LM. Scandinavia in the lyrics by Nikolai Gumilyov. *Vestnik of Moscow State Regional University. Russian Philology Series*. 2015; (5):131-133 (in Russian)
2. Chevtayev AA. Sacralisation of northern space in N. Gumilyov's poetry: from mythopoetics to historiosophy. In: Tropkina NE (ed). East - West: the space of local text in literature and folklore: a collection of scientific articles to the 70th anniversary of Prof. A. H. Goldenberg. Volgograd: Peremena, 2019:142-149 (in Russian)
3. Snegirev I. The Northern Text and Northern Myth in Gumilyov's Poetry. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. 2020, (13):17-27 (in Russian)
4. Gumilyov NS. Complete Works: In 10 Volumes. Vol.1. Poems (1902 - 1910). Moscow: Voskresenye, 1998 (in Russian)
5. Gumilyov NS. Complete Works: In 10 volumes. Vol. 3. Poems (1914 - 1918). Moscow: Voskresenye, 1999 (in Russian)

6. Zobnin YV. Wanderer of the Spirit (about the fate and creativity of Nikolai Gumilyov). In: Pro et contra: Personality and creativity of Nikolai Gumilyov in the assessment of Russian thinkers and researchers: an anthology. St. Petersburg: RCHGI, 2000:8-52 (in Russian)

Об авторах

ОЩЕПКОВА Анна Игоревна – к. филол. н., зав. каф. русской литературы XX века и теории литературы, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова». AuthorID: 531102, e-mail: oshchepkova.anna@mail.ru

АФАНАСЬЕВА Мария Николаевна – студент 4 курса филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», e-mail: o@mail.ru

About the authors

Anna I. OSCHEPKOVA– Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Russian Literature of the 20th Century and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, AuthorID: 531102, e-mail: oshchepkova.anna@mail.ru

Maria N. AFANASYEVA – 4th year student, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: o@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declare no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 15.01.25

Принята к публикации / Accepted 25.02.25